

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 43.

1 НОЯБРЯ 1859.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.;
иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда, и книжныхъ: Базунова, Щепкина и Свѣшникова.

Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ 1 №-ра со всеми приложеніями.
Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Китнера, кв. № 23.

Въ № 43-му прилагаются: «L'hirondelle», этюда Филъша, портретъ А. Н. Верстовскаго и х книжка Драматическаго Сборника.

Содержаніе: Театральная лѣтопись. — Новонзданныя сочиненія (А. Сѣрова). — Свистальщики. — Вѣсти отвсюду.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Бенефисъ г-на Каратыгина. — Итальянская Опера — Трубадуръ на русской сценѣ. — Бенефисъ г-жи Лемениль.

Въ бенефисъ г. Каратыгина, въ понедѣльникъ 26 октября, дана была, въ первый разъ на здѣшней сценѣ, «Нарцизъ» трагедія въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ, соч. Брахфонгеля, переведенная съ нѣмецкаго Я. Ростовцевымъ.

Послѣ многочисленныхъ переводовъ и передѣлокъ съ французскаго, явилась на нашей сценѣ пьеса другой чужеземной почвы; пьеса эта на своей родинѣ, говорятъ, имѣла успѣхъ; даже публика всѣхъ грошевыхъ нѣмецкихъ театровъ приходила въ восторгъ при видѣ разряженныхъ въ шелкъ, бархатъ, кружева и фальшивые камни своихъ актеровъ, которые въ этой пьесѣ представляли маскарадъ съ костюмами и роскошью двора Людовика XV; часть публики, и журналы, служащіе ей нашли въ пьесѣ порицаніе злоупотребленій привилегированныхъ классовъ того времени и превознесли пьесу до небесъ; рецензенты этихъ журналовъ придрались къ случаю высказывать извѣстныя до пошлости политическія те-

№ 43.

оріи и писали огромныя критическія статьи, которыя въ отношеніи къ пьесѣ были тѣмъ же, чѣмъ «выстрѣлъ изъ пушки по воробьямъ». Объяснивъ, сколько намъ извѣстно, причины успѣха «Нарциза» въ Германіи, мы обращаемся къ самой пьесѣ, замѣтивъ напередъ, что она встрѣчена была холодно по той простой причинѣ, что пьеса скучна, исключая нѣсколькихъ, весьма не многихъ мѣстъ, гдѣ игра г-жи Оедоровой и г. Самойлова придаютъ жизнь исполняемымъ ролямъ.

Мы съ памѣреніемъ предпослали наше общее мнѣніе о пьесѣ—рецензію о ней; пусть читатель, довольствующійся такимъ общимъ мнѣніемъ о пьесѣ не любопытствуетъ читать рецензію, которую представить заставляеть насъ обязанность.

Прослѣдимъ содержаніе этой трагедіи въ картинахъ:

Дѣйствіе первое и первая картина представляетъ собравшихся въ салонѣ барона Гольбаха нѣсколькихъ придворныхъ и въ томъ числѣ актрису Кино и маркизу д'Эппие, повѣренную маркизы де Помпадуръ. Здѣсь также Дидро, Гримъ и Гольбахъ, подъ названіемъ: философы энциклопедисты, почему они—философы энциклопедисты и какое отношеніе къ дѣйствію пьесы имѣетъ принадлежность ихъ къ этой философской школѣ, того изъ пьесы не видно. Предметомъ разговора этихъ лицъ служитъ событіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ при дворѣ: маркиза де Помпадуръ, куртизанка короля, сдѣлалась очень больна, причиною ея болѣзни было то, что на улицѣ, случайно попался ей человѣкъ, при видѣ котораго она вскрикнула: «Нарцизъ!» и съ тѣхъ поръ находится въ сильномъ нервномъ разстройствѣ. Придворныхъ это интересуеетъ потому, что въ случаѣ смерти Помпадуръ, восторжествуетъ партія королевы, а приверженцы и protégé куртизанки должны будутъ пасть. Хотятъ узнать, кто этотъ Нарцизъ. Припоминаютъ, что есть въ Парижѣ бѣднякъ странный, но умный, играющій роль шу-

та, по имени Нарцизъ; его знаетъ лично актриса Кино и такъ какъ изъ окна видятъ, что этотъ Нарцизъ читаетъ на улицѣ афишку, то посылаютъ тотчасъ пригласить его въ домъ Гольбаха. Является почти въ лохмотьяхъ Нарцизъ Рамо, отъ котораго узнаютъ, что дѣйствительно онъ былъ въ тотъ день, когда сдѣлалась больна Маркиза, въ той улицѣ, гдѣ это случилось; но онъ не знаетъ маркизы Помпадуръ и никогда ее не видѣлъ. Кино приглашаетъ Нарциза придти къ ней, и онъ уходитъ изъ салона Гольбаха.

Второе дѣйствіе, состоящее изъ двухъ картинъ, происходитъ у герцога Шуазель, перваго министра; онъ держится такой политики, что всегда ищетъ поддержки у сильнаго. Узнавъ, что Помпадуръ опасно больна, онъ былъ бы не прочь перейти на сторону королевы; но онъ не увѣренъ, что Помпадуръ умретъ. Каммергеръ короля совѣтуетъ Шуазелю уничтожить Помпадуръ тѣмъ, что изобличитъ ее въ привязанности къ этому неизвѣстному Нарцизу, а для того предлагаетъ устроить неожиданную встрѣчу ея съ нимъ. Актриса Кино, принадлежащая къ партіи королевы удержала у себя въ домѣ Нарциза, съ цѣлью узнать его прошедшую жизнь и открыть тайну впечатлѣнія, произведеннаго на Помпадуръ встрѣчей съ нимъ.

Между тѣмъ, въ третьемъ дѣйствіи, происходящемъ въ пале-рояль, у маркизы де Помпадуръ, она хлопочетъ, чтобы скорѣе устроить бракъ съ королемъ, которому она развѣдши уже разводъ съ королевой. Помпадуръ поручаетъ Шуазелю устроить пышные праздники и ускорить совершениемъ брака. Въ откровенномъ разговорѣ съ Шуазелемъ, Помпадуръ вспоминаетъ свое прошлое, изъ чего дѣлается извѣстнымъ, что она была женой Нарциза Рамо. Шуазель не сомнѣвается, что, устроивъ внезапную встрѣчу съ Нарцизомъ, онъ унизитъ и погубитъ куртизанку. Въ числѣ разныхъ празднествъ, готовится спектакль, трагедія «Говелія», гдѣ оставленный мужъ является мстителемъ своей жены, похитившей царскую корону.

Въ четвертомъ дѣйствіи, состоящемъ изъ двухъ картинъ, Шуазель является къ королевѣ, выражаетъ свою преданность ей и предлагаетъ свои услуги, способствовать возстановленію ея отношеній къ королю. За тѣмъ Шуазель отправляется къ актрисѣ Кино и убѣждаетъ Нарциза сыграть въ трагедіи роль мужа, увѣряя его, что этимъ способомъ онъ уничтожитъ Помпадуръ, которую Нарцизъ, ненавидитъ за то, что она разорила Францію; но онъ не знаетъ, что Помпадуръ его жена, которую онъ считаетъ погибшей, вспоминая свою счастливую жизнь съ ней.

Пятое дѣйствіе опять у маркизы Помпадуръ. Начинается репетиція спектакля. Помпадуръ разсѣянно слушаетъ монологъ «Говеліи» прочитанный актрисой Кино; но когда начинается монологъ Нарциза, она вздрагиваетъ, услышавъ его голосъ и узнавъ въ немъ своего мужа, котораго любила, вскрикиваетъ; Нарцизъ узнаетъ ее и они бросаются одинъ другому въ объятія. Послѣ первыхъ порывовъ чувства, Помпадуръ сознаетъ, что она погибла и что настоящая встрѣча устроена съ намѣреніемъ Шуазелемъ. Она теряетъ присутствіе духа и тщетно пытается поправить дѣло, вы-

зывая изъ толпы придворныхъ желающаго занять мѣсто перваго министра. Нарцизъ Рамо тоже послѣ восторга при видѣ своей любимой жены, сознаетъ, что она вмѣстѣ съ тѣмъ есть и та маркиза Помпадуръ, которую онъ ненавидитъ,—разражается проклятьемъ, говоря, что онъ прощаетъ ей все какъ женѣ, оставившей мужа, но не прощаетъ какъ женщинѣ, которая была виновницей несчастій Франціи. Тѣмъ оканчивается пѣса.

Мы назвали пѣсу скучной, потому что четыре акта ея, при полномъ отсутствіи драматическаго дѣйствія, служатъ исключительно, для изложенія въ разговорахъ той интриги, развязка которой приготовлена для пятаго дѣйствія и которую зритель заранее знаетъ. Эти четыре дѣйствія суть не болѣе какъ живыя картины, имѣющія цѣлью изобразить наглядно придворную жизнь при Людовикѣ XV. Самый скрупулезный интересъ, составляющій содержаніе трагедіи, разведенъ на безконечно-длинную процедуру пяти актовъ и семи картинъ. Мы находимъ, что это вполне оправдываетъ наше мнѣніе о снотворности пѣсы, и это самое мы слышали отъ многихъ, во время самаго спектакля.

Изъ числа дѣйствующихъ лицъ нѣтъ ни одного, гдѣ бы характеръ опредѣлялся полно и живо. Нѣкоторые только могутъ быть названы эскизами, а остальные не болѣе какъ фигуры, одѣтыя въ пышныя костюмы.

Нарцизъ Рамо, первое лицо трагедіи, только въ послѣднемъ актѣ есть лицо дѣйствующее и притомъ, дѣйствующее какъ-то не само по себѣ, а въ качествѣ актера. Характеръ его опредѣляется изъ однихъ лишь собственныхъ его признаній, не вытекающихъ изъ дѣйствія пѣсы а составляющихъ въ ней лирическія повѣствовательныя мѣста, употребляемыя и приличныя въ литературныхъ произведеніяхъ эпической формы. Въ Нарцизѣ Рамо, и въ судьбѣ его какъ можно заключить изъ одного мѣста пятаго дѣйствія, авторъ хотѣлъ изобразить судьбу французскаго народа, надъ которымъ тяготѣло царствованіе куртизанокъ и фаворитокъ. Нельзя не замѣтить, что это уже слишкомъ аллегорично и немѣткимъ-туманно. Нарцизъ Рамо—скептикъ, грустенъ, сантименталенъ и желченъ. Вотъ все, что заключаетъ въ себѣ эта личность трагедіи. Но развѣ одними этими чертами можетъ быть выраженъ всесторонно характеръ человека?

Помпадуръ также видна только съ одной стороны, именно со стороны своего вліянія и значенія при дворѣ. Человѣческій же, нравственный ея характеръ едва-едва видѣнъ изъ разсказа о томъ, что внезапная встрѣча ея съ Нарцизомъ произвела на нее сильное нравственное впечатлѣніе, что она, какъ можно судить по ея воспоминаніямъ, высказаннымъ откровенно Шуазелю, любила Нарциза, но потомъ неизвѣстно почему оставила его и наконецъ, сколько можно судить по откровенности ея съ Шуазелемъ и по упрекамъ, что онъ ея мало любитъ, она также питаетъ какое-то чувство и къ Шуазелю. Все это нисколько непонятно, потому что не развито авторомъ трагедіи. Характеръ Помпадуръ весьма замѣчателенъ и сложенъ, судя по ея судьбѣ и по

роли, которую она имѣетъ въ исторіи царствованія Лудовика XV; жизнь ея полна драматизма. И что же мы видимъ изъ всего этого въ настоящей пьесѣ? Сцену паденія Помпадуръ и ея смерть, т. е. не болѣе какъ пять минутъ изъ ея жизни. Сцена эта, надо отдать справедливость, очень драматична, но относительно пьесы—это капля въ морѣ.

Характеръ Шуазеля, или, лучше сказать, характеръ его политики, какъ перваго министра короля, полонъ и оконченъ; но личность, эта въ нравственномъ отношеніи безжизненна, потому что нѣтъ никакого психическаго развитія страсти, руководящей дѣйствіями Шуазеля.

Королева, Марія Лещинская, не смотря на всю драматичность своего положенія, во время готовившагося развода съ королемъ, для ожидаемаго вступленія его въ бракъ съ куртизанкой,—какъ кажется, введена на сцену собственно для того, чтобы заинтересовать публику костюмомъ и декорацией внутренняго покоя королевы.

Актриса Кино, чтица королевы, преданная ей искренно, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, участвующая совершенно безстрастно въ интригѣ противъ Помпадуръ, стоитъ въ главѣ цѣлой фаланги лицъ трагедіи, имѣющихъ декоративное значеніе, о которыхъ мы поэтому находимъ излишнимъ распространяться.

Общій характеръ трагедіи можно опредѣлить слѣдующей сентенціей: нѣсколько историческихъ преданій, нѣсколько философскихъ фразъ, политическихъ намековъ на куртизанство, и т. п. нѣсколько округленныхъ, желчныхъ афоризмовъ, нелишенныхъ остроумія и мѣтко брошенныхъ въ эпоху хотя давно отжившую, но оставившую и нашему времени нѣкоторое наслѣдіе; нѣсколько умѣренныхъ и приличныхъ сценическихъ эффектовъ; огромное количество бархату, шелку, кружевъ, драгоценныхъ камней, напудренныхъ париковъ, золотыхъ кафтановъ, мундировъ, украшенныхъ орденами и т. п.; рутинное, хотя не лишенное литературнаго вкуса и такта, смѣливаніе характеровъ дѣйствующихъ лицъ и подготовленіе одного драматическаго момента въ вознагражденіе за длинные и безжизненные четыре акта, все это—взятое въ приличномъ количествѣ, размѣщено съ аптекарской точностью и аккуратностью, а слѣдовательно безъ малѣйшихъ признаковъ творчества и поэзіи, въ семи картинахъ или, лучше сказать, на семи станціяхъ хорошо выровненнаго германскаго шоссе, гдѣ зритель ѣдетъ тихой нѣмецкой ѣздой до послѣдней седьмой станціи, стоящей гдѣ нибудь на рубежѣ другой, болѣе оживленной страны. Такова, по нашему мнѣнію, трагедія «Нарцизъ».

Объ исполненіи этой пьесы на нашей сценѣ скажемъ прежде всего, что она вообще исполнена была совершенно удовлетворительно. Г. Самойловъ оживилъ и дополнилъ своей игрой характеръ Нарциза и въ сценѣ пятаго акта, драматичной въ высшей степени, передалъ необыкновенно жарко: свиданье добраго и чувствительнаго Нарциза съ любимой женой и потомъ переходъ къ сжимающей сердце грусти отъ сознанія, что эта любимая жена вмѣстѣ съ тѣмъ есть женщина, которую подъ ея настоящей фирмой, онъ

признаетъ и не навилитъ, и, наконецъ укоризны и проклятья, которыми онъ разразился какъ патріотъ и человекъ возвышенныхъ и благородныхъ чувствъ. Г-жа Оедорова въ этой же самой сценѣ въ роли Помпадуръ играла увлекательно-хорошо. Въ этотъ моментъ она выразила мимикой, интонаціей голоса всѣ отѣпки сильныхъ и разнородныхъ чувствъ, которыя кипѣли въ груди Помпадуръ, въ минуту ея паденія, за которымъ непосредственно слѣдовала, смерть. Здѣсь было все: и чувство давнишней любви, неудержимо вспыхнувшее въ сердцѣ, сознаніе своего униженія и чувство оскорбленнаго самолюбія, которое было неизвѣстно всевластной куртизанкѣ; отчаяніе и тщетная почти безсознательная попытка удержать въ своихъ рукахъ ускользающую власть, горечь правдивыхъ проклятій отъ человека, за минуту предъ тѣмъ осыпавшаго ея жаркими поцѣлуями и наконецъ сильнѣйшая нервная тревога, которая была въ одно и тоже время и выраженіемъ душевнаго состоянія и предсмертной агоніей.

Мы въ первый разъ еще видѣли г-жу Оедорову такъ художественно исполнявшей сильную драматическую сцену.

Г. Леопидовъ, въ роли Шуазеля, дополнилъ своей игрой именно то, чего недоставало этой роли въ самой трагедіи; онъ выразилъ много психическаго дѣйствія, гдѣ чувство маскировалось вышней политикой перваго министра,

Г-жа Спѣткова 3-я исполняла неблагодарную роль актрисы Кино и потому въ игрѣ ея не могло имѣть мѣста ни что другое, кромѣ пониманія роли и отчетливости вкуса въ исполненіи ея.

Г-жа Жулева, въ роли Маріи Лещинской, также лишена была всякой возможности выразить что-нибудь, кромѣ королевской походки, важной позы и фізіономіи нѣсколько встревоженной и выражающей душевное страданіе.

Что касается до обстановки пьесы, чему, по самой сущности трагедіи, суждено, къ несчастію, играть значительную роль, то можемъ сказать; все, что ни есть блестящаго въ Магазины Русскихъ Издѣлій, было пущено въ ходъ для того, чтобы познакомить русскую публику съ расточительной роскошью французскаго двора и блескомъ, окружавшимъ знаменитую королевскую куртизанку; г-жа Оедорова и г-жа Спѣткова 3-я въ теченіи пьесы мѣняли по нѣскольку болѣе или менѣе блестящихъ платьевъ, куфюръ и т. п., въ послѣдней сценѣ г-жа Оедорова одѣта была въ платьѣ самаго ослѣпительнаго цвѣта, похожаго на пламя, или на массу огненныхъ искръ, пущенныхъ изъ какой-нибудь фейерверочной штуки. Стразы и цвѣтные стекла, съ свойственной имъ естественностью, играли роль брилліантовъ и дорогихъ камней.

Кромѣ «Нарциза» въ бенефисъ г. Каратыгина даны были «Свадебный столъ безъ молодыхъ» и «Русскія святки» (отдѣленіе второе) обѣ эти давно извѣстныя уже пьесы принадлежатъ вообще неутомимому (но утомившемуся въролтно на этотъ разъ) и бойкому перу бенефицианта. Обѣ эгомъ бенефисъ замѣтимъ, что въ выборѣ пьесъ, г. Каратыгинъ былъ, по русской пословицѣ «чѣмъ богать, тѣмъ и радъ».

О другихъ событіяхъ на русской сценѣ, въ теченіи прошедшей недѣли, подлежащихъ занесенію въ нашу лѣтопись,

упомянемъ, что объявленное на 29-е октября представление «Горе отъ ума» отменено было *вслѣдствіе внезапной болѣзни г. Максимова 1*, и что въ этотъ же день вновь дебютировалъ г. Озеровъ, о которомъ мы представимъ болѣе подробное мнѣніе, нежели въ предыдущемъ номерѣ, когда будемъ имѣть случай видѣть г. Озерова еще въ нѣсколькихъ роляхъ его амбула.

А. Г.—ОВЪ.

На прошедшей недѣлѣ репертуаръ оперный и балетный составленъ былъ изъ прежнихъ оперъ и балетовъ. Г-жа Розатти продолжала являться въ Жовитѣ, а на дняхъ должна исполнить роль Медоры въ «Корсарѣ». Г. Кальцолари былъ сильно боленъ. Теперь къ общей радости многочисленныхъ его почитателей, говорятъ, опасность миновала. Вслѣдствіе болѣзни артистовъ, конечно, пѣтъ возможности разнообразить репертуаръ и невольно приходится повторять по два раза одну и ту же оперу. Но, по нашему мнѣнію, при хорошемъ исполненіи, оперу можно слушать нѣсколько разъ съ удовольствіемъ. Впрочемъ въ нынѣшнемъ сезонѣ дилетанты наши не могутъ жаловаться: мы наслушались уже довольно хорошей музыки, и предстоитъ еще много музыкальных наслажденій. Съ каждымъ представленіемъ публика болѣе и болѣе убѣждается, что настоящий составъ труппы превосходенъ. Не говоримъ уже о г-жахъ Лагуа и Нантье-Дидье, имѣвшихъ громадный успѣхъ съ первой поры, наконецъ, начинаютъ цѣнить и г-жу Шартонъ-Демеръ. Въ среду ее уже принимали гораздо лучше въ Сонамбулѣ. Правда, что въ этотъ вечеръ опера эта шла прекрасно. Г-жа Шартонъ была какъ-то въ особенности въ голосѣ, пѣла съ увлеченіемъ и увлекла всю публику, даже предубѣжденныхъ противъ нее. Мы увѣрены, что успѣхъ г-жи Шартонъ будетъ возрастать постепенно, потому что она, безъ всякаго сомнѣнія, отличная пѣвица и вполнѣ заслуживаетъ вниманія. Въ настоящее время немного пѣвицъ, которыя въ состояніи пѣть съ такимъ искусствомъ, какъ г-жа Шартонъ. «Тише ѣдешь, дальше будешь», посмотримъ-ка въ концѣ сезона, что-то скажутъ о г-жѣ Шартонъ. Г. Монджини тоже пѣлъ въ этотъ вечеръ, гдѣ нужно, съ большою умѣренностію; въ финалѣ 2-го дѣйствія и въ особенности въ аріи «*Per che non posso odiar ti*» былъ увлекательно хорошъ и восторгъ публики все увеличивался. Вѣдь г. Монджини стоитъ только сдерживать необыкновенную силу своего голоса и тогда онъ не можетъ не восхищать. Въ Отелло, по болѣзни г. Кальцолари, его роль занялъ г. Беттини. Говорятъ, что онъ заслужилъ одобрение и мы не сомнѣваемся въ томъ, потому что у г. Беттини миленькій голосокъ и хорошая метода. Г. Беттини полезный артистъ, но «*Journal de St. Petersburg*» придаетъ ему уже слишкомъ много важности; конечно, когда Кальцолари боленъ, Беттини можетъ пѣть и ничего не испортить, но когда Кальцолари здоровъ, воля ваша, мы предпочитаемъ слушать Кальцолари: гдѣ есть возможность наслаждаться оригинальною картиною Рафаэля, васъ не будетъ занимать копія и еще копія въ миниатюрѣ. Ужъ такова натура чело-вѣческая.

Вамъ извѣстно уже, что готовится много интересныхъ оперъ, ожидаемъ тоже дебюта г. Джиральдони. Русская опера тоже готовитъ намъ новость: въ бенефисъ г-жи Леоновой, какъ носятъ слухи, данъ будетъ «Трубадуръ» на русскомъ

языкѣ. Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что отличная наша русская пѣвица исполнила трудную партію Асучены съ большимъ успѣхомъ въ Москвѣ. Весьма любопытно послушать ее и здѣсь; пріятно видѣть, что и наши русскіе артисты идутъ впередъ. Русской новой оперы пока нѣтъ, нечего дѣлать, слушаемъ же ихъ и въ италіанской оперѣ, въ особенности, когда главная роль поручена г-жѣ Леоновой.

Вчера былъ интересный французскій спектакль въ пользу г-жи Лемениль. Подробности сообщимъ въ слѣдующемъ №-рѣ, пока скажемъ, что возвращеніе любимицы публики г-жи Мила, доставило всѣмъ любителямъ французскаго театра истинно удовольствіе.

М. РАППАПОРТЪ.

НОВОИЗДАННЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПѢСНИ И РОМАНСЫ

М. А. Балакирева.

(12 піесъ для одного голоса, съ фортепіано.)

«Имя М. А. Балакирева должно быть весьма-знакомо нашимъ читателямъ. Не одинъ разъ уже случалось намъ говорить о яркихъ проблескахъ этого молодого таланта, котораго ждетъ самая блистательная будущность». Такъ бы началъ какой-нибудь присяжный хвалельщикъ, имѣющій свои резоны на подобныя панегирики, расточаемые имъ «изъ любви къ ближнему»—всѣмъ и каждому, кто, разумѣется, самъ *вызовется* на такія похвалы.—Пишущій эти строки успѣлъ прослыть злопомъ и поставилъ себя въ постоянно-враждебное отношеніе ко всѣмъ соотечественнымъ музыкальнымъ кружкамъ; значить, навѣрное ни М. А. Балакиревъ, ни читатели не усомнятся въ моей правдивости, когда я отъ всей души *повторю тѣ самыя слова*, которыя выставилъ здѣсь въ видѣ присяжнаго комплимента. Дѣйствительно—для суроваго поприща критики, при вѣчной борьбѣ съ тупостью и невѣжествомъ, съ пошлостью вкуса и упрямствомъ въ производителяхъ, въ исполнителяхъ и въ цѣнителяхъ,—свѣжіе, здоровые цвѣтки на почвѣ русской музыки—большая отрада! Не нахожу довольно теплыхъ словъ, чтобы привѣтствовать двѣнадцать вокальных піесъ, которыми М. А. Балакиревъ открываетъ свою публичную дѣятельность.

Не подумайте только, что тутъ все — образцовыя произведенія. Напротивъ большая часть этихъ романсовъ еще довольно незрѣла,—притомъ, по самому характеру своему они вовсе *не на общій вкусъ*, между тѣмъ и для вкуса болѣе тонкаго и болѣе образованнаго въ нихъ еще немного сочной пищи.

Но что въ нихъ чрезвычайно-утѣшительно,—это—благородная музыкальность, за миллионъ верстъ далекая отъ пошлостей, которыя наводняютъ нотные магазины; что дорого, неоспоренно въ этихъ нервникахъ, это—*несомнѣнный, истинный* талантъ въ авторѣ. Въ жилахъ этой музыки течетъ истинно-музыкальная кровь, родственная и Глинкѣ, и Шуману,—течетъ высшій на свѣтѣ аристократизмъ, т. е.,—прямое призваніе къ искусству. Не забывая также, что это—дебютъ композитора на вокальномъ поприщѣ, что это *первыя* его пѣсни, и сравнивая эти 12 піесокъ съ первыми (хронологически) романсами Глинки, т. е. со всѣми почти, писанными до тридцатилѣтняго возраста («Бѣдный пѣвецъ», «Не искушай меня безъ нужды»—«Утѣшеніе»—«Память сердца»—«Горько, горько мнѣ»—«Грузинская пѣсня»—«Голосъ съ то-

го свѣта» и др.) виденъ чрезвычайный успѣхъ въ отечественной музыкѣ этого рода. Романсы Глинки (изъ *начинаній* его NB) кажутся дилетантски-слабыми въ сравненіи съ мелодическимъ поворотомъ и гармоническою обработкою первыхъ опытовъ М. А. Балакирева. Притомъ—въ концѣ двадцатыхъ годовъ и въ началѣ тридцатыхъ (время первой дѣятельности Глинки) надъ русскими романсами тяготѣла еще во всей силѣ пошлость, приторность мелодического характера,—та «Варламовщина», которая и теперь еще возбуждаетъ симпатію очень обширнаго круга «любителей музыки» но тѣмъ «кто почище», отводится на свое настоящее мѣсто, въ слой Излеровскихъ концертовъ и полу лакейскихъ вечеринокъ, подъ «тренканье» гитары.

Произведенія М. А. Балакирева въ эти слои никогда не попадаютъ, оттого онъ и не долженъ нисколько разсчитывать на популярность. Однако пора ознакомить читателей съ этими 12 пѣсками нѣсколько поближе.

1. *Пѣсня разбойника*. Слова Кольцова. «Не страшна мнѣ добру молодцу Волга-матушка широкая»—H-dur. $\frac{3}{4}$. Allegretto. Весьма простой рисунокъ мелодіи въ духѣ размашистыхъ при-Волжскихъ пѣсень. Но вся мелодія только изъ 8 тактовъ (да четыре такта ритурнеля унисономъ). Характерно, да коротковато!

2. *Обойми, поцалуй*. Слова Кольцова. Allegro agitato. C-moll. $\frac{3}{4}$.—На эти слова музыка писана очень-много разъ. Еще очень недавно напечатанъ романсъ барона Фитингофа, гдѣ этотъ самый текстъ послужилъ для длинной вокальной пѣсы, въ родѣ сцены или арии (Durchcomponirtes Lied.) М. А. Балакиревъ остался въ предѣлахъ не большой пѣсни, гдѣ одна и таже музыка служить всѣмъ тремъ куплетамъ. Это гораздо лучше, ближе къ дѣлу. Но жаль, что «формарондо» въ текстѣ—т. е. повтореніе начальныхъ словъ въ концѣ пѣсни: «обоймижъ поцалуй.. поцалуй горячѣй!»—въ музыкѣ не сохранилась! Страстность стиховъ, въ ея общемъ, довольно-хорошо удовлетворена композиторомъ, особенно при концѣ мелодіи. На слова «еще разъ, поскорѣй, поцалуй горячѣй» (въ 1-мъ куплетѣ) рисунокъ мелодическій нѣсколько-вялъ и однообразенъ. (Въ словахъ текста неприятныя орфографическія ошибки: «что на сердце танишь» — «въсна» — «горячей»).

3. *Баркаролла*. «Прелестная рыбка причаль на берегъ мой»—слова А. Арсеньева (слѣдовало прибавить: «изъ Гейне»—а то это умолчаніе какъ разъ напомнитъ блаженное время русской литературы, когда Людмила-Ленора и Ивиковы журавли считались вымыслами Жуковского) Andantino. B-moll. $\frac{6}{8}$. Милая мелодія, близкая къ итальянскимъ формамъ. Во второй половинѣ романса (agitato) «А сердце то же море» композиторъ немножко-некстати увлекся «кипѣніемъ» моря и сердца, и недовольно позаботился объ интересѣ вокальной мелодіи.

4. *Колыбельная пѣсня*. Слова А. Арсеньева. Andantino A-dur $\frac{2}{4}$. Насколько въ словахъ текста нѣтъ, ни поэзіи, ни оригинальности, на столько и мелодія не отличается ни особенною привлекательностью, ни свѣжестію. Многіе обороты напоминаютъ то «Колыбельную пѣсню» Глинки (chef-d'oeuvre въ своемъ родѣ!) то казачью Колыбельную пѣсенку Н. Бахметева (незатѣйливую, но вдохновенную)... Въ гармонической обработкѣ и тутъ мелькаютъ подробности замѣчательно-умныя. (Напр. гармонія на «Баюшки баю»; — и гармонія въ предпоследнемъ тактѣ заключительнаго ритурнеля).

5. *Взошелъ на небо мѣсяцъ ясный*. Слова М. Яцевича. Andantino Des-dur. $\frac{4}{4}$. (средняя часть poco meno mosso, $\frac{6}{8}$).

По формѣ, по мелодіи, и по внутреннему поэтическому аромату несравненно-выше первыхъ четырехъ. Этотъ романсъ—полное художественное произведеніе. Область его не изъ особенно-глубокихъ, не изъ особенно-возвышенныхъ; не-интимно-трагическая сцена (какъ нѣкоторыя изъ безсмертныхъ Lieder Франца Шуберта, какъ нѣкоторыя изъ произведеній Глинки и А. С. Даргомыжскаго). Это—истинный романсъ, со всею прелестью томнаго колорита ясной и тихой лунной ночи. — Съ технической стороны очень замѣчательнъ граціозный контрапунктъ на главную мелодію и ритурнель, который, повторяясь въ концѣ романса, приводитъ къ тону B-moll, но тотчасъ же повтореніе чрезвычайно-кстати каденцы Des-dur самыхъ начальныхъ тактовъ замыкаетъ всю пѣсню въ ея главномъ тонѣ. Въ одномъ такомъ оборотѣ—таланту много!

6. *Когда беззаботно, дитя, ты рѣзвишься*. Мазурка. A-dur. $\frac{3}{4}$. Слова К. В.—Еслибъ кому-нибудь, кто не знаетъ другихъ романсовъ М. А. Балакирева попалась эта мазурка съ ея жалкимъ текстомъ, довольно-безцвѣтною мелодіею и съ большими промахами въ отношеніи соотвѣтственности музыки словамъ (напр. на слова: «мнѣ грустно и больно» — длиннѣйшая трель!)—этотъ кто-нибудь сказалъ бы навѣрное: «Тутъ нѣтъ ничего кромѣ слабого подражанія Глинкѣ «когда въ часъ веселый»—подражаніе обратилось почти въ пародію». (Въ текстѣ много опечатокъ, которыя, конечно, красоты этимъ виршамъ не прибавляютъ).

7. *Рыцарь*. Слова К. В.—Текстъ опять выбранъ не-совсѣмъ удачно. Главный смыслъ текста—весьма-трагическій, но высказанъ словами дубоватыми, отъ того вызоветъ скорѣе улыбку нежели впечатлѣніе серьезное. М. А. Балакиревъ въ своихъ звукахъ поправилъ недостатокъ текста,—есть и рыцарскій характеръ, и энергичность и сила—но впечатлѣніе все-таки не удовлетворительно. Жалобы подружки рыцаря и потомъ его самого «о! какъ ужасна!» выражены не совсѣмъ драматично, — а въ этихъ-то жалобахъ весь смыслъ баллады!—Въ гармонической обработкѣ много замѣчательно-хорошаго. Въ фортепианномъ аккомпаниментѣ слышится—оркестръ. Это всегда—доброе ручательство за *органичность* музыкальной мысли.

8. *Мнѣ ли молодцу разудалому*. Слова Кольцова. Allegretto. D-dur. $\frac{2}{4}$. Русская пѣсня въ чисто-народномъ характерѣ. Много жизни и *мастерства* въ обработкѣ. На слова «Еслибъ молодцу ночь да добрый конь, да булатный ножъ, да *темны лѣса*» композиторъ чрезвычайно-кстати модулируетъ очень мрачно (и совсѣмъ въ духѣ *славянскихъ* модуляцій) изъ H-moll въ Dis-moll.—Свѣтлый D-dur, послѣ этого «темнаго лѣса» аккордовъ звучитъ превосходно, и фраза гобоя которую начинается пѣска, при возвращеніи ритурнеля обработана каноническою имитациею, не хуже Глинкинскихъ. Пѣсня эта не большая, но и не короткая, драматически-обработанная въ аккомпаниментѣ, въ мелодіи очень проста; лежитъ въ самыхъ красивыхъ нотахъ тепороваго регистра и должна звучать прелестно въ устахъ П. П. Булахова, которому очень — кстати и посвящена.

6. *Такъ и рвется душа*. Слова Кольцова. D-moll. Allegro agitato. Музыка на стихи Кольцова особенно-счастливо удаётся молодому русскому композитору. Это—говоря вообще, и вполне-справедливо въ отношеніи пѣсни, о которой только что шла рѣчь. Въ романсѣ 9-мъ есть увѣченіе, есть *русская* страстность, но онъ—оставаясь въ этихъ формахъ—могъ бы быть гораздо лучше. Текстъ—богатый!

10. *Приди ко мнѣ*. Слова—опять—Кольцова. Des-dur. Andante. $\frac{3}{4}$. «Варламовцы» ужаснутся—прежде всего: передъ шестью бѣлками въ ключѣ, — потомъ передъ постояннымъ колыханьемъ акомпанимента триолетами, которые въ своемъ волнующемся движеніи дѣлають ритмъ сложнымъ. Не-варламовцамъ этотъ романсъ понравится, можетъ быть, больше всѣхъ прочихъ изъ числа 12. Акомпаниментъ граціозенъ; гармонія—нѣжна и интересна; мелодія—выразительна.

11. *Письма Селима*. Слова Лермонтова. «Мѣсяцъ плыветъ и тихъ и спокоенъ, а юноша воинъ на битву идетъ». Allegretto. Dis-moll. $\frac{2}{4}$. Музыка—въ восточномъ вкусѣ, что неизмѣнно требовалось текстомъ. Въ гармонизаціи есть новизны, на первый взглядъ очень-дикія, но все—въ характерѣ, и подведено органически. Ума во всей піескѣ много,—желалось бы побольше вдохновенія.

12. *Введи меня, о ночь, тайкомъ*. Слова А. Майкова. F-moll. Allegro agitato. Музыка столько же оригинальна, какъ текстъ, удачно выбранный. При исполненіи довольно трудно будетъ соблюсти постоянное pianissimo, не смотря на сложность акомпанимента. Если же pianissimo обратится—какъ частенько случается, — въ какое-нибудь нейтрадное mezzo-forte, весь смыслъ романса будетъ нарушенъ и никому не будетъ понятно ни одно изъ тонкихъ намѣреній композитора.

Въ заключенье, послѣ рѣшительныхъ, горячихъ похвалъ піесамъ: 5, 8, 10, 11, 12,—остается пожелать М. А. Балакиреву по больше ретивости и твердости воли на столько-трудномъ поприщѣ музыкальнаго автора! Русскій музыкантъ долженъ помнить постоянно, что слава, почести, деньги никакъ не для него. Чтобы все это явилось какъ во снѣ, для этого, кромѣ таланта (не въ немъ дѣло) надо, прежде всего, не быть русскимъ, хотя бы даже и родиться въ Россіи. (*)

А. СЪРОВЪ.

СВИСТАЛЬЩИКИ **).

(Статья драматическаго артиста Поля Баройле.)

Давно уже мнѣ пришла мысль выразить въ нѣсколькихъ строкахъ, если не краснорѣчивыхъ, то по крайней мѣрѣ искреннихъ, которыя внушаетъ мнѣ, и долженъ внушить каждому благородному человѣку, обычай освистывать въ театрѣ, обычай варварскій, превращающій наши театральные залы въ ристалища.

И въ самомъ дѣлѣ, не стыдно ли, что въ нашъ вѣкъ, вѣкъ цивилизаціи, знанія и прогресса, позволено человѣку сильному *мнимымъ правомъ, купленнымъ при входѣ*, оскорблять, унижать артиста, котораго лице или талантъ не нравятся. Недавно еще намъ пришлось видѣть на большомъ театрѣ сѣдней столицы даровитую артистку, достойную жепщину,

*) Всѣ вышепомянутые романсы продаются въ музыкальномъ магазинѣ Ф. Стеловскаго.

**) Замѣчательный драматическій артистъ, г-нъ Баройле напечаталъ въ одномъ французскомъ журналѣ живѣйшій протестъ противъ варварскаго обычая освистывать. Авторъ этой статьи написалъ ее подъ впечатлѣніемъ недавно случившагося факта, и легко будетъ понять чувство, заставившее его взять перо въ руки. Facit indignatio versum... Вотъ артистъ, котораго негодованіе превращаетъ въ журналиста. Впрочемъ, г-нъ Баройле имѣлъ наилучшія права, чтобы протестовать противъ освистыванія, потому что онъ самъ никогда не бывалъ освистанъ.

ошиканною, освистанною, оплеванною обезумѣвшей партіей, до того, что задушенная рыданіями, совершенно потерянная, она упала безъ чувствъ, на сценѣ. Это еще не все!

Несчастливая, перенесенная за кулисы своими собратами, получила пособіе врача, съ трудомъ пришла въ себя и, уступая усиленнымъ просьбамъ своего директора, согласилась снова явиться. Вы можетъ быть думаете, что передъ такимъ печальнымъ зрѣлищемъ, передъ подобнымъ самоотверженіемъ, ярость этихъ змѣй утихнетъ ради человѣческаго чувства?

Заблужденіе! Артистка, уступая преувеличенному чувству своего долга, снова является, растроганная, покорная, трепещущая, предъ своими немилосердными судьями.

При видѣ ея, *свистальщики* усиливають ярость, бросаются на свою жертву, и остаются побѣдителями на полѣ сраженія, вопреки аплодисментовъ и къ стыду безсильнаго авторитета! Итакъ, я говорю, что надо не имѣть въ сущности сознанія своего собственнаго достоинства, чтобы позволить себѣ подобныя жестокости.

Не достаетъ словъ, чтобы ихъ уничтожить и клеймо позора должно было бы отмѣчать виновниковъ такихъ поступковъ. Между тѣмъ, надо сказать съ сердечнымъ прискорбіемъ, что подобныя зрѣлища представляютъ намъ еще и до сихъ поръ большая часть провинціальныхъ сценъ нашей Франціи, этого лучезарнаго очага цивилизаціи, этой страны утонченнаго джентльменства, гуманныхъ чувствъ и великодушныхъ идей. Жалкая аномалія!

Въ Англіи, въ Италіи, въ Россіи, въ Германіи и другихъ странахъ, признаваемыхъ нами менѣе цивилизованными, чѣмъ наша, довольствуются ошкаръ артиста, имѣвшаго несчастье попасть подъ опалу публики, и это уже слишкомъ! Во Франціи же и въ Бельгіи, его освистываютъ безъ мѣры, шикають безъ жалости или, чтобы разнообразить оскорбленія, ему бросаютъ въ лице всякаго рода дрянъ, какъ-то: мѣдные гроши или репейникъ! Не есть ли это отвратительное уродство? И человѣчество не должно ли краснѣть отъ нихъ?... Эти артисты, которыхъ вы преслѣдуете вашими криками и свистками, какъ-будто быковъ въ ристалищѣ, развѣ они не такіе же люди, какъ и вы? Сбросьте съ нихъ костюмы, въ которые они облакаются, чтобы олицетворять передъ вами какихъ-либо историческихъ или фантастическихъ лицъ, и вы найдете почти всегда людей съ сердцемъ, достойныхъ главъ семейства, прекрасныхъ гражданъ. И чтобы вполне убѣдиться, хотите ли приобрести точное и матеріальное доказательство ихъ нравственности? обратитесь къ нашимъ уголовнымъ архивамъ, пересмотрите наши тюремные списки, вы увидите въ нихъ, по несчастію, представителей всѣхъ классовъ, кромѣ одного—класса драматическихъ артистовъ; и если изрѣдка вы замѣтите только какія-нибудь исправительныя наказанія, палоченныя на особъ, минутно заблудившихся отъ несчастія или нищеты, это исключенія, которыя, къ нашей чести, вы легко сосчитаете пальцами одной руки.

Впрочемъ должно признать утѣшительную истину, что общество, именно общество честныхъ людей, единственное, которое я признаю, любить и уважаетъ артистовъ, потому что всегда находитъ ихъ тамъ, гдѣ можно сдѣлать добро, помочь бѣдѣ и поправить несчастье.

Они имѣютъ право на уваженіе всѣхъ, эти артисты, которые такъ благородно употребляютъ свои таланты и спѣшать всегда на голосъ несчастія. Перестаньте же ихъ унижать выраженіями, отвергаемыми честию и вашимъ собственнымъ достоинствомъ. И если, не смотря на всѣ усилія, ихъ

талантъ не могъ приобрѣсть вашего расположенія, вы владѣте орудіемъ, гораздо страшнѣе свистка, но по крайней мѣрѣ благодаритѣ. Это орудіе—молчаніе! Повѣрьте, что самолюбіе артиста, испытавшаго его на себѣ, было бы такъ жестоко, такъ сильно уязвлено, что онъ считалъ бы себя приговореннымъ безвозвратно. Ибо молчаніе есть совершенное отрицаніе, ничтожество, пустота на нашемъ пути! Каждый артистъ, осужденный этимъ способомъ, имѣлъ бы то право, что считалъ бы себя воинномъ, побѣжденнымъ на полѣ сраженія, послѣ отчаянной битвы, и могъ бы сказать себѣ вмѣстѣ съ нами: *Все потеряно, кромѣ чести!* И конечно, я ручаюсь, что нѣтъ ни одного артиста въ мірѣ даже самаго ничтожнаго, который бы не предпочелъ мѣсто солдата подъ огнемъ пушечной баттарей, тому беззащитному положенію, въ которомъ онъ находится подъ оскорбительнымъ свистомъ и дрянью, бросаемою на нашихъ провинціальныхъ театрахъ. Тамъ вы встрѣчаете смерть, но славную, геройскую; здѣсь нравственное униженіе, публичный афронтъ; это—сердечная рана, которая васъ убиваетъ, но оставляетъ вамъ жизнь... съ невозможностью отмстить за себя!... потому-что ударъ нанесенъ рукою, подло скрывшеюся потомъ.

Изгнанный, побѣжденный, обѣзумѣвшій отъ стыда и отчаянія, онъ хотѣлъ бы покончить съ жизнію, полной разочарованія и нищеты.... но воспоминаніе о милой матери, обожаемой супругѣ, семействѣ, котораго онъ единственная подпора, останавливаетъ его руку и заставляетъ покориться. Но къ несчастію не всегда такъ бываетъ и слишкомъ часто жертва совершенна: бѣдный артистъ жертвуетъ собою своей скорби и оставляетъ послѣ себя неутѣшную вдову и безпріютныхъ сиротъ! О! какъ длинна и трогательна была бы книга, заключающая въ себѣ разсказъ всѣхъ несчастій, причиненныхъ этой общественной язвой, называемой свистомъ! Между тысячи другихъ происшествій, скрытыхъ печальнымъ покровомъ, выступаетъ катастрофа, случившаяся въ Неаполѣ, именно горестная смерть нашего злополучнаго Нурри, которой я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, и единственнымъ причиною которой были эти злыя шиканья. Фактъ слишкомъ справедливый, я могу это засвидѣтельствовать, потому-что, повторяю, что я тутъ былъ. Какъ другъ и товарищъ великаго артиста, я проводилъ съ нимъ минуты, свободныя отъ нашихъ театральнхъ занятій. Онъ любилъ мнѣ повѣрять свое тайное горе, жестокаго разочарованія, которыя рѣшили его удаленіе изъ оперы; свои подозрѣнія на счетъ будущаго, ожидавшаго его въ Италіи, свои опасенія на счетъ дебютовъ въ Неаполѣ и счастье, которое онъ испыталъ бы, увидя ихъ увѣнчанными успѣхомъ. Я сколько могъ поддерживалъ его моральное состояніе, столь разстроенное и тревожное; я напоминалъ ему его имя, прошедшіе триумфы, и пазывалъ сумасшествіемъ даже одну мысль, которая заставляла его сомнѣваться въ совершенной удачѣ.

Наконецъ великій день насталъ, день неописанныхъ мученій, и продолжительное рукоплесканіе приняло его первое появленіе въ Санъ-Карло, въ *giuramento*, Маркаденте. Онъ былъ въ восторгѣ, и его мечты были исполнены даже сверхъ его ожиданія, къ великой радости всѣхъ его друзей. Но зависть также во мракѣ ожидала дня своего триумфа!.. Какъ всѣ возвышаемые умы, Нурри долженъ былъ испытать ея жестокаго преслѣдованія и вынести, по несчастію, это обыкновенное послѣдствіе своего превосходства. Исполнивъ блестящимъ образомъ прекрасную роль, написанную для него Меркаденте, въ *Elena da Feltre*, онъ долженъ былъ

пѣть роль Полліона въ Нормѣ, сочиненную для Донницелли и, слѣдовательно слишкомъ низкую для него. Онъ сѣмѣлъ однакожь, посредствомъ умѣнья, заслужить въ ней большіе аплодисменты. Но, среди самыхъ успѣховъ, видна была въ его чертахъ какая-то грусть и глубокая меланхолія.

Видно было, что съ его чудной, артистической душой, онъ ранепъ въ сердце... и что ударъ былъ издалека,

Онъ сожалѣлъ о Парижѣ, о своихъ многочисленныхъ друзьяхъ и горѣлъ желаніемъ явиться передъ ними съ челомъ, увѣнчаннымъ новыми лаврами. За этими вспышками благороднаго честолюбія, всегда слѣдовало у него опасное состояніе моральнаго изнеможенія и озлобленія, изъ котораго даже ласки семейства не могли его извлечь.

Увы! въ минуту подобнаго упадка его смущеннаго ума, въ одинъ вечеръ.... 7-го марта 1839 г., онъ пѣлъ въ «Нормѣ»; онъ можетъ быть недостигъ своего обыкновеннаго успѣха при большой вступительной аріи. Но послѣ его дуэта съ Адальгизой, нѣсколько шиканій, видимо вынужденныхъ низкой завистью, послышались довольно упорно, посреди аплодисментовъ. Нурри возвратился внѣ себя за кулисы, провелъ рукою по сумрачному челу, горько улыбнулся и проговорилъ только эти слова: *шикайте друзья мои!... завтра вамъ уже не придется меня ошкаты!*... Нѣсколько часовъ спустя... окровавленный трупъ лежалъ на мостовой дворца Барбайя... Это былъ трупъ Нурри!.. Какъ параллель этой раздражающей драмѣ, которую всеобщее изумленіе приняло, какъ публичное несчастіе, долженъ ли я напомнить здѣсь ужасное самоубійство въ улицѣ *Fidélité*?..

Замѣчательный артистъ и человѣкъ съ сердцемъ, несчастный Памель, внезапно постигнутый сумасшествіемъ, дошедшимъ до бѣшенства, перерѣзавшій все свое семейство, поразилъ потомъ и себя надъ трепещущими трупами своихъ жертвъ!..

И мнѣ тоже лично извѣстно, что это ужасное несчастіе было дѣломъ этихъ жалкихъ оскорбителей, которые, недовольствуясь тѣмъ, что освищутъ артиста, изгоняютъ его и подло поносятъ. Памель былъ мой товарищъ по консерваторіи. Одаренный пріятной наружностью, онъ былъ веселаго нрава, кроткаго и честнаго характера. Онъ имѣлъ пріятный баритонъ, но въ его голосѣ недоставало той звучности, которая возбуждаетъ браву въ толпѣ и восхищаетъ почтенныхъ *римлянъ*, триумфально возсѣдающихъ на своихъ скамьяхъ подъ люстрою парижскихъ театровъ. Онъ искупалъ однакожь истиннымъ талантомъ этотъ недостатокъ силы въ его органѣ. Разъ онъ является ко мнѣ съ искаженными чертами и въ необыкновенно раздраженномъ состояніи: «я возвращаюсь изъ провинціи, говоритъ онъ мнѣ, гдѣ меня освидали низкимъ образомъ въ *Вильгельмъ Телль*, котораго я однакожь пропѣлъ... не хуже кого другаго! Шайка, составленная противъ меня изъ дюжины бѣшеныхъ мальчишекъ, которые поклялись меня погубить, восторжествовала надъ авторитетомъ и надъ большинствомъ голосовъ, мнѣ аплодировавшихъ! Ты не подозрѣваешь другъ мой, что такое жизнь артиста въ провинціи!.. Еще бы, еслибъ они довольствовались васъ освищать, эти подлецы!... но нѣтъ! они васъ оскорбляютъ всячески, бросаютъ въ лице печеныя яблоки и осыпаютъ васъ самыми оскорбительными названіями, такъ что, самъ себя чувствуешь униженнымъ, обезславленнымъ передъ своими собственными глазами!... желалъ бы убить себя или перерѣзать этихъ мерзавцевъ безчувственныхъ, которые часто рѣшаютъ судьбу артиста на зеленомъ сукнѣ бильярда или

жарточного стола, прежде чѣмъ услышать его на сценѣ. То, что говорю, также справедливо, какъ то, что есть Богъ! Я видѣлъ это, собственными глазами видѣлъ!... Зато при одной этой мысли кровь во мнѣ кипитъ!... Возьми мой пульсъ... посмотри... положи свою руку на мой лобъ... Не чувствуешь ли ты, что тутъ есть что-то разстроенное? Нѣтъ, нѣтъ, я уже не тотъ человѣкъ! Все меня раздражаетъ... Даже мнѣ несносно видѣть мою жену и дѣтей, которыхъ я обожаю... потому что... завтра или послѣ завтра... я не буду знать, гдѣ имъ достать хлѣба!... я не захочу ни у кого просить!.. Я не посмѣю это сдѣлать!... Я буду бояться, что мнѣ откажутъ... потому что, мнѣ кажется, что у меня на лбу написано, что я подлець, потому что я допустилъ себя быть оскорбленнымъ безъ отмщенія тѣмъ, которые ввергаютъ меня въ нищету. О! я лучше бы желалъ умереть! Прощай, другъ мой!... Я уйду... потому что... я чувствую, что теряю рассудокъ... и мнѣ нуженъ воздухъ... прощай!»

Копчивъ этотъ печальный и тигостный монологъ, въ продолженіи котораго я не могъ выговорить ни одного слова, онъ вырвался изъ моихъ объятій, несмотря на все мои усилія удержать его, и убѣжалъ, оставляя меня въ неописанномъ смущеніи. Назавтра этого несчастнаго дня, свершилась ужасная драма въ улицѣ Fidélité!

Такъ вотъ ваши дѣла отвратительные свистальщики, низкая секта, большею частью составленная изъ безбородыхъ франтиковъ, которыхъ желанія отвергнуты, изъ раздушенныхъ щеголей, которые, съ копѣчнымъ лорнетомъ въ глазъ, хотятъ, во что бы то не стало, казаться оригинальными, изъ гражданъ, у которыхъ желудокъ дурно варитъ, изъ вѣтренниковъ, не понимающихъ важности своихъ поступковъ, изъ людей, которые свищутъ, потому что это принято, думая, что иначе поступать нельзя. Говорите мнѣ теперь объ этомъ мнимомъ правѣ, въ силу котораго съ свистомъ и оскорбленіемъ па устахъ, вы располагаете, какъ вамъ вздумается, талантомъ и жизнью артистовъ! Потрудитесь мнѣ сказать, кто вамъ далъ это огромное право? Гдѣ законъ, который позволяетъ такое несправедливое похищеніе? Прошу васъ указать мнѣ на него, потому что онъ не существуетъ ни въ одномъ сводѣ человѣческихъ законовъ... развѣ только онъ въ силѣ у людоедовъ! Мы заплатили при входѣ, скажете вы мнѣ. А! вотъ оно въ чемъ дѣло! Такъ нѣсколько несчастныхъ грошей, брошенныхъ вами при входѣ въ театръ, даютъ вамъ почти право на жизнь и смерть артистовъ! Какая горькая шутка!... Но, если это такъ, я дамъ благоразумный совѣтъ моимъ бѣднымъ собратамъ въ провинціи, это—подражать испанскимъ тореадорамъ, которые до появленія своего передъ публикой, дѣлаютъ свои предсмертные распоряженія и причащаются св. таинъ. Снабженные этимъ священнымъ паспортомъ, который въ случаѣ несчастія, открываетъ имъ врата небесныя, они съ большею рѣшимостью встрѣчаютъ своихъ странныхъ противниковъ. Тоже самое можетъ случиться и съ драматическимъ артистомъ, котораго мѣдный грошъ, брошенный сильною рукою, можетъ ударить въ високъ и убить наповалъ на сценѣ. Конечно я сто разъ лучше предпочелъ бы отдать Богу душу, повиснувъ на острыхъ рогахъ быка, сражавшагося со мной, чѣмъ умереть позорно и беззащитно отъ глупой руки смѣшпаго буяна.

Часто и по справедливости возставали противъ кланерства, этаго, чисто парижскаго, подкупнаго учрежденія, невѣрнаго и преувеличеннаго истолкователя впечатлѣній публики и, ко-

торое, въ укоръ искусству, сбиваетъ вкусъ публики и артистовъ, смотря по влеченію своихъ корыстныхъ стремленій. Однакожъ, не смотря на то, что оно въ не уваженіи въ глазахъ всѣхъ, кланерство оказало обществу видимую и неоцѣненную услугу, за которую къ нему не довольно признательны, потому что, безъ сомнѣнія, Парижъ ему обязанъ избавленіемъ отъ этихъ невыносимыхъ свистальщиковъ и систематическихъ буяновъ, которые ходятъ въ театръ только для того, чтобъ вносить въ него безпорядокъ и смутеніе. При кланерахъ нѣтъ ужъ болѣе этихъ странныхъ и нелѣпныхъ оппозицій, этихъ воплей, дикихъ криковъ, достойныхъ только варварскихъ племенъ.

Наступитъ день (Богъ дастъ), когда продажныя услуги этихъ вырождковъ римлянъ будутъ считаться безполезными, и когда театральныя представленія сдѣлаются свободною, спокойною и достойною оцѣнкою твореній ума человѣческаго и таланта ихъ исполнителей. Тогда только, тогда не будетъ пятенъ на солнцѣ и мы увидимъ какъ прогрессъ пойдетъ впередъ вѣрнымъ, быстрымъ и правильнымъ шагомъ, не оставляя послѣ себя слѣда прежнихъ идей, унижительныхъ злоупотребленій и нелѣпыхъ предразсудковъ. Въ ожиданіи этого столь желаннаго дня, мы обращаемъ свои взоры къ высшему авторитету; отъ него зависить энергическое усмиреніе постыдной необузданности, которую непростительное послабленіе до сихъ поръ поощряло. Итакъ, мы всѣми силами желаемъ будущаго обнародованія мѣры, которая бы установила гуманнѣе образомъ права публики въ отношеніи къ артистамъ и предписала точное исполненіе. Рука, которая подпишетъ эту преобразовательную мѣру, много заслужитъ отъ всего общества.

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

Симфоническіе концерты Русскаго музыкальнаго общества. — Вѣсти изъ Одессы. — Опера и драмы въ Ригѣ. — Оперы въ Парижѣ. — Парижскіе театры. — Дочь Брессана. — Некрологъ. — Г-жа Лаврова въ Парижѣ. — Король Шведскій. — Композиторъ Скрибна Беріо. — Празднества въ честь Шиллера въ Мюнхенѣ и Лейпцигѣ. — Смерть Шпора. — Необыкновенный музыкантъ. — Эмиліа Голотти въ Лондонѣ.

Въ газетахъ былъ напечатанъ Высочайше утвержденный, 1-го мая нынѣшняго года, Уставъ Русскаго музыкальнаго общества:

Общество это, преобразованное изъ существовавшаго до 1847 г. симфоническаго общества, имѣетъ цѣлію развитіе музыкальнаго образованія и вкуса къ музыкѣ въ Россіи. На основаніи §§ 2 и 7 Устава, общество: 1) даетъ ежегодно 10 симфоническихъ вечеровъ, на которыхъ исполняетъ лучшія произведенія музыки инструментальной и вокальной, какъ то: симфоніи, увертюры, ораторіи, кантаты и проч. 2) доставляетъ отечественнымъ композиторамъ возможность слышать свои произведенія, въ исполненіи, и по мѣрѣ развитія своихъ средствъ, лицамъ оказавшимся особенно способными, какъ въ музыкальномъ сочиненіи, такъ и въ исполненіи (въ пѣніи, или въ игрѣ на какомъ либо инструментѣ) выдаетъ разнаго рода преміи. Директорами общества избраны: Графъ М. Ю. Вельгорскій, В. А. Кологривовъ, А. Г. Рубинштейнъ, Д. В. Каншинъ и Д. В. Ставовъ. Дирекція общества, намѣреваясь начать свои дѣйствія въ теченіи наступающаго ноября, открываетъ вмѣстѣ съ симъ подписку, для лицъ желающихъ поступить въ члены общества, надѣясь встрѣтить сочувствіе любителей музыки къ своему предпріятію.

Гг. члены общества вносят ежегодно 15 руб. сер. и получают билетъ для входа на десять симфоническихъ вечеровъ; прсція же права ихъ опредѣлены правилами устава, экземпляръ котораго каждый членъ получаетъ при подпискѣ.

Подписка открыта въ музыкальныхъ магазинахъ: Бернарда, Бютнера, Брандуса и Стелловскаго, а также у директора общества Д. В. Каншина (на Васильевскомъ острову, въ Загнбениномъ переулкѣ, въ д. Красильникова). Къ нему же благоволятъ адресоваться и гг. иногородные.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Одессы замѣтенъ въ этомъ городѣ очевидный упадокъ музыкальности. «Нѣтъ у насъ музыкальныхъ собраній, пишутъ въ Одесской газетѣ, нѣтъ постоянныхъ квартетовъ, никогда не исполняютъ симфоній и ораторій классическихъ композиторовъ, нѣтъ даже сноснаго оркестра, а между тѣмъ любителей очень много. Все развлеченіе ограничивается итальянской оперой; но намъ мало оперы, говорятъ одесскіе любители, мы хотимъ музыки «какъ искусства «во всей его полнотѣ.» На встрѣчу всѣмъ неудобствамъ и недостаткамъ въ музыкѣ выступаетъ филармоническое общество, образовавшееся въ Одессѣ. Уставъ его Высочайше утвержденный еще въ 1842 г., такъ опредѣляетъ цѣль учрежденія филармоническаго общества: «распространеніе вкуса, къ классической музыкѣ вспомошествованіе семействамъ артистовъ, принадлежащихъ къ сему обществу выдачею единовременныхъ пособій, или пенсіоновъ, или доставленіемъ средствъ къ воспитанію ихъ дѣтей.» — Артисты и дилетанты, исходатайствовавшіе уставъ принимали энергическія мѣры къ поддержанію этого прекраснаго предпріятія, но время и обстоятельства не совсѣмъ благопріятствовали ихъ усиліямъ. Нынче при помощи нѣкоторыхъ лицъ, истинно сочувствующихъ музыкѣ, филармоническое общество замѣтно поправляется и въ матеріальномъ отношеніи; немало оживляетъ его концерты піанистъ Тедеско, находящійся въ Одессѣ. Этотъ замѣчательный артистъ также отличный преподаватель на фортепіано и въ Одессѣ нашелъ многочисленныхъ учениковъ и ученицы. Его музыкальныя утра, на которыхъ исполняется музыка Моцарта, Шпора, Мендельсона и др., посѣщаетъ многочисленная публика.

Опера въ Ригѣ, благодаря довольно хорошему составу труппы, идетъ очень удачно; выборъ оперъ также дѣлаетъ честь дирекціи; согласуясь съ средствами членовъ своей труппы, она даетъ «Фрейшюца», «Иссонду» Шпора, «Жидовку» и др.

На драматической сценѣ дебютировалъ новый артистъ на роли *jeun premier*, г. Бенке въ трагедіи Гущкова «Уріель — Акоста.» Дебютантъ, очень красивый молодой человѣкъ, играетъ хорошо, но не лишень рутинны, свойственной почти всѣмъ нѣмецкимъ актерамъ.

Комедія г-жи Бирхъ-Пфейферъ: «Der Seiermann und sein Phleggekind,» данная и на нашей нѣмецкой сценѣ, имѣла большой успѣхъ въ Ригѣ. Эта простая, трогательная картина изъ жизни германскаго народа, была разыграна очень дружно и по окончаніи пьесы публика вызвала всѣхъ. Вообще комедіи и веселые водевили болѣе удаются рижскимъ актерамъ, чѣмъ плаксивыя драмы, или ужасающія трагедіи.

Итальянская опера въ Парижѣ возобновила на дняхъ оперу Пачини «Сафо,» протерпѣвшую, 17 лѣтъ тому назадъ, торжественное паденіе на этой же самой сценѣ. Тревожитъ эту древность изъ архива было совершенно бесполезно; въ 1842 г. въ «Сафо» участвовали Гриси, Маріо и Тамбурини; въ то время она имѣла почему-то успѣхъ въ Италіи, но

нынѣ опера не выдержала и одноко представленіи. По поводу оперы Пачини одинъ музыкальный критикъ писалъ въ 1842 г.: успѣхъ «Сафо» въ Италіи можно только предписать усыпленію Россіи; съ тѣхъ поръ какъ Пезарскій лебедь замолкъ, Италія впала въ самое грустное состояніе; она потеряла вкусъ, грацію, любовь, страсть, чувства; музыка, эта чудная поэзія сердца, то пѣжная и трогательная, то страстная и бурная, по всегда возвышенная и благородная, молча страдаетъ въ своей любимой странѣ, блескъ ея померкъ, любовь исчезла, сила пугнула! Скучная и утомительная она влечитъ свою агонію на театрахъ и салонахъ; давно уже искусство не падало такъ низко! Изъ всѣхъ этихъ стариковъ и юношей, старавшихся достигнуть славы, не одинъ не достигъ своей цѣли; «Сафо» послѣдняя ступень, до которой могла спуститься посредственность.»

Во всякомъ случаѣ возобновеніе этой жалкой оперы доказываетъ бѣдность нынѣшняго опернаго репертуара. Парижане ожидаютъ дебюта г-жи Доттини въ «Ринголетто».

«Pardon de Ploërmel» снова занялъ свое мѣсто на сценѣ Комической Оперы и вѣроятно на долго отдалить представленія другихъ оперъ, готовящихся къ зимѣ. Въ этотъ вечеръ въ залѣ Комической Оперы буквально нельзя было уронить булавки.

На театрѣ Bouffes Parisiens дана новая оперетка: «Le Major Schlagmann», музыка Адольфа Фетиса, слова Вернье. Музыка сына директора Брюссельской Консерваторіи, для перваго опыта заслуживаетъ одобренія; она написана безъ претензій и оживляетъ пустое либретто, удачно однако обрисовывающее австрійскіе нравы.

На театрѣ Сенъ-Мартенскихъ Воротъ возобновлена драма Дюма и А. Макэ: «La Reine Margot». Драма эта, явившаяся въ 1847 г. послужила открытіемъ историческаго театра и съ закрытіемъ этого театра перешла въ архивъ. Въ первое представленіе драма Дюма продолжалась съ половинны седьмого до трехъ часовъ ночи и заморила бѣдныхъ зрителей голодомъ; въ то время много рассказывали, съ какою завистью зрители смотрѣли въ два часа ночи на скромный ужинъ палача и его дочери, въ предпоследней картинѣ. На другой же день драма была сокращена и продолжалась до обыкновеннаго срока. Нынче она возобновлена въ томъ же сокращенномъ видѣ, но исполненіе было не совсѣмъ удовлетворительно. Г-жа Дошъ, въ роли Маргариты Наварской, не осуществляетъ типа этой необыкновенной женщины, умъ и красота, которой возбуждали удивленіе всей Европы. Г-жа Дошъ, прекрасная въ «Dame aux Camélias», въ «le Demi-Monde» и др. не можетъ совладать съ драматической ролью Маргариты и напоминаетъ скорѣе прелестную камелію, чѣмъ королеву. Кларансъ, знакомый когда-то публикѣ Михайловскаго Театра, играетъ превосходно, но слишкомъ старъ для роли пылаго ла-Моля. Время не щадитъ самые знаменитые таланты и только оказалось милостивымъ для Лаферьера и Дежазе.

Театръ Водевилья дѣлаетъ большіе сборы новой драмой г. Макэ: «Les Dettes de Coeur». Пьеса эта имѣла большой и вынолитъ заслуживаетъ успѣхъ. Драма передѣлана изъ романа г. Макэ того же названія и нисколько не теряетъ своего интереса. Сюжетъ, придуманный Макэ, останется вѣчно новъ и драматиченъ. Скрибъ уже представилъ его въ своей комедіи: *Цѣль* (Une chaîne), въ легкой, насмѣшливой, скептической формѣ. Макэ представляетъ ту же тему въ грустной и мрачной формѣ. Скрибъ выказалъ скуку, слѣдующую

за незаконной связью. Маке представилъ муки такой связи. Скрибъ предпочитаетъ женить своихъ героевъ, т. е. приговорить ихъ къ супружескимъ галерамъ, Маке топить своихъ героинь въ озерахъ. Книгиня Новрацина (должно быть русская) была обезчещена въ глазахъ мужа ревнивой соперницей. Послѣдняя ввела измѣническимъ образомъ, въ комнату книгини, молодого человѣка, незапавшаго даже куда его ведутъ. Застигнутый мужемъ, молодой человѣкъ горячо защищаетъ певичиную женщину, отъ защиты и сожалѣнія онъ переходитъ къ любви и увозитъ прекрасную княгиню къ величайшей досадѣ своего отца, прочившаго ему молоденькую и богатую невѣсту, Люсиенну Данмениль. Но любовники не долго наслаждаются счастьемъ, мужъ книгини, опасно раненъ на дуэли и передъ смертію призываетъ къ себѣ жену проститься. Калиста, такъ зовутъ княгиню, съ грустію покидаетъ уединенный домикъ, гдѣ была такъ счастлива; предчувствіе не обманываетъ бѣдную женщину. Едва княгиня уѣхала, домикъ покупаетъ Люсиенна и самыми искусными путями привлекаетъ снова туда молодого человѣка, оставившаго домъ по отъѣздѣ княгини. Юноша не можетъ устоять противъ красоты и очаровательнаго кокетства молодой дѣвушки, страстно влюбляется въ нее и предлагаетъ ей свою руку. Все готово къ свадьбѣ, какъ вдругъ княгиня, о которой не было ни слуху, ни духу, пишетъ своему возлюбленному Генриху о смерти мужа, который, умирая проклялъ ее и лишилъ наслѣдства, за опасную политическую переписку. Калиста погибла, если Генрихъ надъ ней не сжалится; она нищая и не знаетъ куда преклонить голову; тутъ-то долгъ сердца заставляетъ Генриха отказаться отъ любимой невѣсты и спасти Калисту, но послѣдняя, подслушавъ случайно трогательное прощаніе молодыхъ людей, избавляетъ ихъ отъ жертвы, бросившись въ воду. Драма замѣчательна еще дебютомъ дочери извѣстнаго артиста г. Брессана. М-ле Брессанъ, по словамъ парижскихъ газетъ, обладаетъ огромнымъ талантомъ; съ перваго дебюта она выказала много непринужденной граціи, простоты, и благородства; дикція ея необыкновенно отчетлива; однимъ словомъ она достойно поддерживаетъ имя своего талантливаго отца.

На театрѣ Амбигю имѣетъ большой успѣхъ драма Мѣриса: «Le Roi de Bohême». Этотъ roi de Bohême, смѣлый авантюристъ, предводитель кочующихъ цыганъ, вступающій въ борьбу съ королемъ Испаніи Филиппомъ IV и герцогомъ Букингамомъ. Драма ведена очень искусно и производитъ эффектъ. Меленъ въ роли авантюриста и г-жа Пажъ въ роли цыганки не мало содѣйствуютъ успѣху пьесы.

Недавно умеръ въ Парижѣ извѣстный драматическій писатель Жюль Кордье, настоящее имя котораго Элеоноръ де Валабель. Въ сотрудничествѣ съ извѣстнымъ писателемъ Клервилемъ, Кордье сочинилъ множество пьесъ, также и одинъ, онъ написалъ нѣсколько романовъ, сказокъ для дѣтей и былъ сотрудникомъ многихъ газетъ, въ томъ числѣ газеты «l'Enfer 'Acte».

Наша пѣвица любительница, г-жа Лаврова давала недавно въ Парижѣ концертъ, въ которомъ исполнила арію изъ *Пуританъ* и *Соловья*. Въ этомъ же концертѣ произвелъ большой эффектъ Теодоръ Риттеръ какъ композиторъ, пианистъ и пѣвецъ. Онъ сыгралъ маршъ своего сочиненія и «Perpetuum mobile» Вебера и спѣлъ самымъ свѣжимъ теноромъ дуэтъ съ г. Фортюна.

Вѣроятно немногимъ извѣстно, что Король Швеціи Оскаръ-Іосифъ-Франсуа Бернадотъ, родившійся въ Парижѣ 4-го іюля 1799 г. и умершій въ Стокгольмѣ 8-го іюля 1859 г. съ успѣхомъ написалъ нѣсколько гимновъ, маршей, вальсовъ и даже партитуру большой оперы.

Въ Брюссельскомъ *Moniteur des théâtres* напечатано слѣдующее: «Многія газеты объявили что г. Беріо уступилъ своего знаменитаго Маджини г. Вѣнявскому за 24000 фр. и даже нѣкоторыя газеты прибавляли, что Беріо рѣшился разстаться съ своей скрипкой только для г. Вѣнявскаго, какъ единственнаго артиста, достойнаго обладать такою рѣдкостью. Мы можемъ навѣрно сказать, продолжаетъ Мониторъ, что г. Беріо и не думаетъ продавать своей удивительной скрипки. Великій артистъ не можетъ обойтись безъ этого инструмента, на которомъ играетъ болѣе 30 лѣтъ и не намѣренъ уступить его ни за какую цѣну.»

Въ Мюнхенѣ готовятся большія празднества въ честь Шиллера. Проживающая въ этомъ городѣ знаменитая актриса, Софія Шрёдеръ, которой недавно минуло 76 лѣтъ, предложила также участвовать въ торжествѣ, общая прочесть одно изъ стихотвореній великаго поэта. Шрёдеръ родившейся въ 1781 г., когда Шиллеру было 22 года, минуло 26 лѣтъ и она находилась въ самой апогее своей славы, когда умеръ Шиллеръ въ 1807 г.

Въ Мюнхенѣ возобновляютъ оперу Вебера Абу-Гассанъ, написанную въ 1824 г. и съ тѣхъ поръ нигдѣ не игравшую, кромѣ какъ на Лирическомъ театрѣ въ Парижѣ.

Въ Лейпцигѣ празднества въ честь Шиллера раздѣлены на 3 дня, между прочимъ будутъ выставлены въ залѣ Музея: бібліотека Шиллера, его автографы, записки и разныя рѣдкія вещи; во всѣ три вечера будутъ исполнены трагедіи знаменитаго писателя; подробности объ этихъ празднествахъ опишемъ въ свое время.

Знаменитый композиторъ и скрипачъ Шпоръ скончался недавно и 25 октября н. с. происходило погребеніе тѣла его въ Гессен-Касселѣ. Грустная церемонія была вполне достойна памяти знаменитаго музыканта. Знатныя лица, артисты, ученые, литераторы, художники, знаменитые виртуозы принимали участіе въ шествіи. Король и королева ганноверскіе прислали лавровыя вѣтки для украшенія гроба. Постараемся въ послѣдствіи представить статью о дѣятельности и заслугахъ Шпора.

Любопытнымъ явленіемъ въ музыкальномъ мірѣ можетъ назваться тиролецъ, по имени Іосифъ Цени, дающій музыкальные вечера въ Ульмѣ и играющій съ большою ловкостью разомъ на двухъ инструментахъ. Лѣвой рукой онъ держитъ родъ флейты, изъ которой извлекаетъ очень пріятныя мелодіи, между тѣмъ какъ правой аккомпанируетъ себѣ на особеннаго рода гитарѣ съ педалью.

Вновь отдѣланный театръ въ Лондонѣ, извѣстный подъ именемъ «Shurrei theatre» открылъ свои представленія трагедіей Лессинга, *Эмилія Галотти*, переведенной на англійскій языкъ въ самомъ искаженномъ видѣ.

Собственность Издателя.

А. Вертовскій

С. Петербургъ, у Ч. Стелловскаго